

Личное

Моей правде. - 1996. - 27 февр. - с. 5.

Письма к сыну

В моих руках - книга, которая вышла очень маленьким тиражом и, едва успев появиться, стала библиографической редкостью. В ее основе - письма Евгения Павловича Леонова к сыну Андрею, написанные в разные годы. Письма к школьнику, студенту, артисту, солдату.

... На гастролях в Гамбурге сердце Леонова не выдержало нагрузки: инфаркт усугубили другие болезни, слишком долго не замечал он усталости. И больше месяца страна жила в тревоге. В Театр «Ленком» шли письма и телеграммы, звонки на радио и в газеты, требовали сообщить бюллетень. Или немецкие врачи - боги, или они знали, как много этот человек значит для русских, но они сделали невозможное. Вернули нам на пять лет Леонова, искусству - артиста, Андрею - отца, маленькому Женечке - деда...

В стране в это время уже было много слез и горя, межнациональные распри ужасали людей. Война отрицала будущее. «Кажется, люди не слышат ни доброго слова, ни окри-

... «Андрюшенька, хотя ты бываешь у меня часто, чуть ли не каждый день, все же у меня чувство, что не договорили, не выяснили, не успели. А время в больнице тянется медленно, или я не умею сидеть на одном месте... И вот решил в промежутках между встречами писать тебе обо всем, что приходит в голову, что хочется отдать тебе... Актер ведь учится всю жизнь, ищет, познает себя...

Когда вышел «Полосатый рейс», где я, к удовольствию зрителей, в мыльной пене бегал от тигров, многие решили, что теперь я уже прописан постоянно в цехе комиков. По правде сказать, я и не очень огорчился. Но так бывает в жизни, что самое интересное предложение получаешь там, где его совсем не ждешь. Когда раздался звонок из Ленинграда и родной голос режиссера Фетина, постановщика «Полосатого рейса», сообщил, что для меня есть роль в его новом фильме, я не без ужаса подумал: каких еще хищников придется мне укрощать? И вдруг слышу: Шолохов... «Донская повесть»... Шибалок... Я замер: ну, думаю, это похуже хищников. А он продолжает: я вижу только тебя - это обычно говорят режиссеры. Я, конечно, не соглашаюсь. Он обижается. «Ладно, говорю, приеду, поговорим», а сам думаю, худсовет не допустит. И, естественно, худсовет «Ленкома» возражает: «Только что «Полосатый рейс» - и вдруг «Донская повесть», что же обещего?» И, представь, каков режиссер - и меня убедил, и худсовет.

В искусстве труден первый шаг, а потом откуда-то берется смелость и нахальство даже...

Когда режиссер Борис Александрович Львов-Анохин предложил мне сыграть Креона в пьесе Ануя «Антигона», я уже не стал отказываться. Хотя вокруг разговор был - Леонов в интеллектуальной драме! в трагической роли! - тут уж не один худсовет обсуждал. И как я благодарен режиссеру за его талантливое упрямство!

... Играть царя Фив Креона тираном, извергом - кому это интересно! А если это добрый человек, который не хочет смерти, но у него такая работа... Если он хочет видеть и Гемона и Антигону счастливыми, а не мертвыми, если, если... Но потоки крови застилают глаза. Что тогда? Мне хотелось заставить зрителя, которому уже в начале сообщали, чем все кончится, заставить все же переживать,

сомневаться, надеяться. Хотелось, вопреки правилам, заданным пьесой, навести мосты, установить свои контакты, только я об этом никому не говорил и не знаю точно, удалось ли... А успех был большой...

... «Андрей, знаешь ли ты себя, как тебе кажется? Я не могу сказать, что знаю себя до конца... Актер - человек со сдвинутой психикой. Меня учили включать свое нутро, я раньше этого не понимал, а сейчас легко отличаю артистов от людей, которые «тратятся» и которые «не тратятся», цену тех, кто живет, себя не щадя, и в творчестве цепляет вглубь...

Молодым совсем хотел играть Робинзона в пьесе Островского «Бесприданница»... Мы поехали в город Донецк на гастроли, и вдруг Лифанов заболел, директор театра Гвелесиани присылает машину - срочно играть Робинзона. (Это было задолго до Лариосика)... Что ни скажу - аплодисменты, я стал даже пугаться. Весь напряженный, в какой-то нелепой шляпе, в глазу монокль, что ни скажу - смех. Приходит Гвелесиани: «Вы очень смешно играете». Это меня скорее напугало, чем обрадовало, а уж поверить в то, что хорошо играю, я не мог. То ли зритель попался смешливый, то ли от испуга я был нелеп, сиюминутен - и от этого очень правдив.

Яншин ведь никогда меня не хвалил, ни в какой роли. И, быть может, поэтому во мне поселилось вечное сомнение - что я что-то делаю не до конца хорошо... Когда хлопали, я всегда помнил, что меня Яншин поругал: «Нет, он прав, я слишком смеху...»

Вот как передать тебе этот опыт, Андрюша? Будут ругать, могут и несправедливо ругать - ты самолюбивый очень, я ведь тоже самолюбивый, судя по моим рассказам, но я через это перешагивал... Меня

ка». Не правда ли, звучит злободневно? И как тут быть? И вот на сцену выходит Евгений Павлович Леонов, в самую сердцевину театра, и объясняет словами своего героя Тевье, что «в деревне Анатовка с давних пор жили русские, украинцы и евреи; жили вместе, работали вместе и только умирать ходили каждый на свое кладбище»... Жизнь должна объединять, разъединяет только смерть... И что «здороваясь, русские снимали шапки, а евреи шапок не снимали никогда». Леонов достаёт из кармана джинсов черную шапочку, надевает на лысину - и все понимают, что русский артист берет на себя бремя тех, кто бедствует, унижен, ждет помощи... Независимо от того, к какой национальности принадлежит человек.

В «Поминальной молитве» Леоновы старший и младший на сцене были вместе. Играли они вместе и в фильмах. Что чувствовал при этом Евгений Павлович, что хотел передать Андрею, чему научить - ответ можно найти в «Письмах к сыну», выдержки из которых мы и публикуем.

ции, иначе начинаешь нервничать и ты, и он, хотя виду не показывает. И начинаешь про себя думать: а может, я уже отстал, может, старомоден... Когда-то я у Станиславского набрал на фразу, что из-под актера надо почаще выбивать стул, на котором он удобно расселся; в общем, его надо ставить в новые обстоятельства и переучивать каждые десять лет.

Я ценю режиссуру не за сочинительство в области формы, но за исследование человеческой сути характера, взаимодействия его с жизнью. Многим молодым режиссерам почему-то хочется блеска телевизионной «театральной гостиной», чтобы цветы, американцы, чтобы публика разбивала двери. Яншин был толстый и немолодой, и он этими делами не занимался, от него у меня осталось впечатление, что он не начальник, а соучастник моей жизни, моего труда, наших поисков.

Или вот Данелия - он берет каждый раз одних и тех же актеров и каждый раз раскрывает их по-новому.

... «Когда я уходил из Театра имени Станиславского - мне это было очень трудно, столько лет, я душой прирос там, и все меня ранило, - искренняя любовь одних и неискренность других. Я ушел, но продолжал играть там. А вскоре узнал, что артисты, с которыми работал долгие годы, пришли к директору и сказали: «Не надо приглашать Леонова играть, что у нас своих актеров нет?» И после этого они стали играть мои роли, а я перестал играть. Из этого ясно, что я обидчивый человек, но скрываю это... Меня жизнь колотила иной раз. Но не это страшно, страшно, если ты озлобишься. Злой человек, озлобившийся не может ничего сделать в искусстве, потому что пропадет высшая объективность, которая держится на добром отношении к человеку. Подумай, ведь если ты умеешь снять напряжение, улыбнуться, обратить в шутку какое-то недоразумение, ты тем самым помогаешь кому-то, правда? Доброта - это же не просто крик: «Кому нужна моя помощь?» Так не бывает... Не за спасибо человек помогает человеку, а просто потому, что проникается сочувствием, принимает участие в судьбе другого. Это так естественно. Если ты сегодня еще не можешь никому помочь, ты хотя бы умей в душе своей вырастить и сберечь благодарность к тем, кто тебе помогает.»

ПОДГОТОВИЛА
ЕЛЕНА КУРБАНОВА.